

ВВЕДЕНИЕ

Экспрессивные проявления и выразительные движения людей всегда привлекали внимание исследователей разных областей научного знания, в первую очередь, психологов, поскольку такие «знаки» являются не только ключевым индикатором эмоциональных состояний и внутренних переживаний индивида, но и, будучи специально организованы, несут важнейшую смысловую нагрузку в социальном взаимодействии, выступая в виде неречевых форм общения. Причем их спектр весьма широк, а возможности безграничны.

В период активного изучения и открытий в сфере невербальной коммуникации, которая во второй половине XX в. даже оформилась в самостоятельную научную область, были достигнуты значительные успехи в декодировании, классификации и описании неречевых коммуникативных действий. Но удовлетворительный «словарь» и целостную концепцию невербальной коммуникации построить не удалось. И научный интерес к этой проблематике стал неизбежно угасать, вероятно, еще и потому, что объяснительный и методологический инструментарий доступный для исследователей того времени был исчерпан. Требовались новые, в первую очередь, теоретические знания и концептуальные подходы, которые тогда еще только формировались.

Однако исследования системы неречевых форм и средств передачи информации весьма актуальны в современных условиях, поскольку роль невербальных компонентов в массмедийном дискурсе резко возрастает. При этом все отчетливее оформляется запрос практики к развитию и применению научных представлений о невербальной коммуникации в совершенно новых прикладных сферах, в частности, для решения специфических психолого-правовых задач.

Так, наряду с ростом в России судебных исков к средствам массовой информации по поводу грубых нарушений и злоупотреблений свободой слова, все чаще возникают конфликтные ситуации, когда спорными становятся невербальные коммуникативные компоненты, например, различные иллюстрации массовых печатных изданий. Широкую известность получили уже более 40 фактов, когда те или иные иллюстрации в газетах или другие публично демонстрируемые изображения трактовались некоторыми представителями общественности как оскорбительные или разжигающие национальную и религиозную вражду. Часто декларируемые протесты носили субъективный характер, не отражающий сущность публикуемого изображения, и возникающие конфликты разрешались внесудебными методами, но в некоторых случаях состоялись и судебные разбирательства (в том числе, по делу организации художественных выставок «Осторожно, религия!», «Россия-2»; а также по поводу публикаций карикатур в местных печатных изданиях Самары, Удмуртии, Приморья, Волгограда и др.). Все подобные дела имели общественный резонанс, хотя отдельные судебные постановления были довольно неожиданными. Ситуацию обострил также и получивший известность скандал вокруг публикации карикатур в датской прессе, что вызвало бурную волну протестов со стороны мирового мусульманского сообщества. Эта история имела свое своеобразное продолжение и в России. Редактор одной вологодской газеты, перепечатавшей датские рисунки в виде коллажа, иллюстрирующего статью о скандале, по решению суда была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст. 282 УК РФ.

Известно, что иллюстрации в СМИ, не только выполняют функцию привлечения внимания к изданию, наглядности и образности формы подачи вербальной информации и ее «разгрузки», но и сами по себе рассчитаны на смысловое восприятие, т.е. содержат определенное коммуникативное «сообщение». Более того, принято считать, что невербаль-

ные средства обладают широким спектром коммуникативного воздействия и являются одним из его самых тонких методов, поскольку иллюстрации (рисунки, карикатуры, шаржи, фотографии, коллажи, знаковые и символические изображения и т.п.) выступают в качестве универсального языка, общедоступного для понимания и легкого для усвоения и содержат обширные возможности интерпретации по сравнению с вербальными средствами. При этом публикаторы иллюстраций небезосновательно полагают, что имеют полное право на выражение мнений таким способом и что подобного рода «сообщения» в силу своей многозначности и, следовательно, слабой доказуемости нарушений российского законодательства в принципе не могут быть предметом обоснованных правовых претензий.

Безусловно, ст. 29 Конституции РФ гарантирует каждому в нашей стране свободу мысли и слова. И хотя здесь прямо не сказано о других, несловесных способах самовыражений, но, очевидно, что правовой защите подлежит любое мнение независимо от его содержания и формы выражения. При этом согласно ч. 4 этой статьи каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Это означает, что информация может передаваться с использованием и невербальных коммуникативных средств. Кроме того, Российская Федерация в 1998 г. взяла на себя обязательства соблюдать Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод. В ст. 10 Конвенции указывается, что каждый человек имеет право на свободу выражения своего мнения, а также получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов.

Однако согласно ч. 2 ст. 10 Конвенции осуществление этих свобод не абсолютно и налагает определенные обязанности и ответственность, сопряженные с условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в инте-

ресах общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц.

Таким образом, в нашей стране каждый может выражать свое мнение любым доступным ему способом, в том числе и невербальными коммуникативными средствами, если это не вступает в противоречие с интересами общества, а также правами и свободами других людей. Например, конституционно закрепленные ограничения касаются пропаганды и агитации, в том числе с использованием изображений, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть либо вражду, также запрещается пропаганда любых форм превосходства. Кроме того, есть ряд статей Уголовного Кодекса РФ, в которых прямо определяется, но чаще косвенно подразумевается (следует из текстов опубликованных комментариев) уголовная ответственность за ненадлежащее, преступное использование разного рода рисунков, иллюстраций или публично демонстрируемых произведений. Например, преступления против: чести и достоинства личности – ст. 129 УК РФ (клевета) и ст. 130 (оскорбление); половой неприкосновенности – ст. 135 (развратные действия); общественного порядка – ст. 214 (вандализм); государственной власти – ст. 280 (призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и ст. 282 (возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды); порядка управления – ст. 319 (оскорбление представителя власти) и ст. 329 (надругательство над Государственным гербом РФ или Государственным флагом РФ).

Как показывает российская судебная практика случаи привлечения к уголовной ответственности и вынесения обвинительных приговоров за публикацию разного рода иллюстраций и изображений имеются. Можно даже прогнозировать, что число подобных судебных исков в дальнейшем будет только нарастать. При этом правовые оценки спорных изображений, их экспертный анализ, на который суд иногда (но не всегда) опирается, в разных случаях выглядят

совершенно противоречивыми, в частности, по отношению к аргументации принятого решения. Более того, сама правомерность использования уголовных санкций в отношении их публикаторов во многих случаях не кажется достаточно убедительной.

До сих пор открытыми остаются вопросы: Способны ли мнения людей, публично выраженные тем или иным невербальным коммуникативным средством, нарушать чьи либо права и интересы? Могут ли они считаться в таком случае не только нарушением норм общественной морали, но и общественно опасным, преступным деянием? Какие средства правовой регламентации (гражданско-правовые, административные и пр.) применимы в определении границ допустимого в освещении событий и их иллюстрировании с помощью невербальных коммуникативных компонентов? Для ответа на эти вопросы необходим тщательный анализ всех ситуаций, когда различные иллюстрации и изображения оспариваются в суде и квалифицируются им в соответствии с нормами уголовного права.

Очевидно, что во всех случаях, когда невербальные компоненты коммуникации все же становятся предметом судебных разбирательств, необходимо привлекать экспертов, что, например, уже прочно вошло в практику разбора дел о злоупотреблениях свободой слова. Однако и в этом плане существуют определенные трудности и проблемы. Анализировать и оценивать смысл изображений подчас сложнейшая задача не только для правоприменителей, но и для специалистов-экспертов, тем более что специальная литература по этой тематике отсутствует. И если критерии и методика экспертной оценки направленности различных высказываний и текстов СМИ достаточно разработаны и имеют обширную практику, то проблема экспертизы невербальных коммуникативных компонентов и их правовой оценки все еще представляет собой «белое пятно». Для их полного и объективного анализа необходимы знания самых разных научных дисциплин – психологии, лингвистики, психолинг-

вистики, семиотики, а также культурологи, религиоведения и искусствоведения. Требуется и специальная, обобщающая эти знания проработка самой предметной области и критериев такого экспертного анализа, которую возможно осуществить, например, в русле бурно развивающейся дискурсивной психологии. Именно этой задаче и посвящена настоящая работа.

В монографии систематизируются научные знания о процессе невербальной коммуникации, раскрываются основные понятия как самой его сущности, так и базовых элементов – выразительных средств, а также особенности их использования и восприятия на разных коммуникативных уровнях. Особенно подробно исследуется проблема определения смысловой направленности иллюстраций в современных массовых печатных изданиях, а также предлагается метод специального «дискурсивного анализа» таких невербальных коммуникативных «сообщений», главный акцент в котором ставится на специфических личностных и ситуативных детерминантах их создания и публикации. При этом изложение основ психологии неречевого общения сопровождается примерами из правоприменительной практики, когда экспрессивные средства социального взаимодействия, невербальные компоненты газетных текстов и публично демонстрируемые изображения становились предметом тех или иных споров и конфликтов, значимых с юридической точки зрения.

Специальная глава работы посвящена анализу проблемы экспертизы и правовой оценки содержания произведений современного изобразительного искусства, в частности экспонатов художественных выставок, которая тесно смыкается со спецификой использования невербальных компонентов в СМИ. Как показано, «язык искусства» имеет много общего с неречевым общением, а иллюстрации в газетах по своему происхождению восходят к изобразительному искусству и также ориентированы на целостное смысловое восприятие. Кроме того, существует уже определенная российская практика судебных разбирательств по поводу различных про-

изведений современного искусства, которая имеет явные аналогии с правовыми конфликтами, связанными с интерпретацией иллюстраций масс-медийных печатных текстов. Особенности современного искусства, его философские и культурологические основания позволяют лучше понять и, следовательно, точнее определять коммуникативное содержание и смысл иллюстративного газетного материала.

ГЛАВА 1. СОДЕРЖАНИЕ, СРЕДСТВА И ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПРОЦЕССА НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В самом простом, обыденном значении под невербальной коммуникацией понимают все то, что, наряду со словесной (вербальной) коммуникацией играет важную роль в общении людей. Сюда относят: внешность и одежду партнеров по взаимодействию; тембр, тон и интонацию их голоса; выразительные (экспрессивные) движения их рук, лица, тела и многое, многое другое. Однако такое широкое толкование невербальной коммуникации мало что дает как для изучения и объяснения этого особого культурно-исторического феномена, так и для прояснения самой его сути. Поскольку в таком случае невербальное – это все, что окружает слова (текст) сообщения, но само им не является, хотя и оказывает на вербальное сообщение определенное влияние. Другими словами, подобная трактовка ставит под сомнение понимание процесса невербальной коммуникации как таковой. Поэтому сначала определим, что же вообще является коммуникацией.

Поскольку всякое индивидуальное действие осуществляется в условиях прямых и косвенных отношений с другими людьми, оно включает, наряду с физическим, коммуникативный аспект. Действия, ориентированные на смысловое восприятие их другими людьми, называют коммуникативными. Таким образом, **коммуникация** (от лат. *communis* – делать общим) – это смысловой аспект социального взаимодействия¹. Общаясь, люди обмениваются мнениями, идеями, интересами, точкой зрения, различными представлениями, настроениями, чувствами, установками и т.д., то

¹ См: Психология. Словарь/Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М., 1990. С. 168-169.

есть тем, что принято называть информацией. И тогда сам процесс коммуникации можно рассматривать просто как обмен информацией. Но каждый человек знает: важно не только *что* ему сообщают, но и *как*, *каким образом*.

Соответственно, процесс коммуникации нельзя свести только к передаче информации. В нем осуществляются и другие не менее важные функции: регулятивные (например, статусные или управленческие), эмоционально-аффективные (обмен чувствами, эмоциями), фатические (установление контактов) и пр. И если в ответе на вопрос *что сообщается?* в процессе коммуникации, приоритет имеет вербальная информация, то ответы на многие другие вопросы часто дают именно *невербальные* средства. Поэтому одно из существенных оснований для классификации коммуникации – это разделение по средствам: речевые (письменная и устная речь) и невербальные, к которым относятся паралингвистика (жест, мимика, мелодия и др.), а также вещественно-знаковая коммуникация (продукты производства, изобразительного искусства и т.д.).

Таким образом, невербальная коммуникация – это обмен значимой информацией, не выраженной словами. И хотя многие собственные невербальные проявления, как правило, слабо осознаются участниками общения (остаются в сфере бессознательного) и плохо поддаются контролю сознания, но вот чужие – воспринимаются довольно легко и правильно интерпретируются. Поэтому невербальная информация может усилить значение, позволить точнее и полнее понять сказанное, но может и стать сутью более ценной, чем конкретное вербальное сообщение.

Для иллюстрации приведем только один, но уже ставший хрестоматийным пример – дрожание рук «гэкачеписта» Г. Янаева во время его телевизионного выступления в период августовского (1991 г.) путча испуганным зрителям всего мира «сообщило» гораздо больше, чем все то, что он говорил. И хотя весь смысл этой значимой невербальной информации трудно исчерпывающе выразить словами, но главное – достаточно очевидно: этот человек чувствует огромное мо-

ральное и физическое напряжение (что, в принципе, вполне естественно) и не справляется с ним во многом потому, что сам не верит истинности и убедительности своих слов; более того, понимая их фальшивость и проявляя определенное малодушие, он не выдерживает взятого им (или навязанного ему) груза ответственности и как «провинившийся школьник» переполнен страхом неизбежно последующего наказания. Для многих россиян невербальное поведение человека, претендующего на роль их лидера, стало *знаковым* и сыграло немаловажную роль в дискредитации и быстро последовавшем полном крахе этого «путча».

Именно то, что невербальные проявления могут выступать определенным **знаком** в ситуации взаимодействия людей, и делает их средством процесса коммуникации. И тогда не все то, что сопутствует вербальному сообщению, может быть невербальным средством коммуникации, а только то, что имеет значение, выступает знаком и выполняет функцию какого-либо сообщения. Другое дело, что в ситуации общения таким знаком, имеющим решающее значение, может быть все что угодно и даже не только конкретные человеческие проявления, а и некоторые атрибуты места и ситуации коммуникации. Например, для общения значимыми могут быть и само место встречи (в социальной психологии они носят название «хронотопов»), температурные и метеорологические условия, время суток (особенно, если место встречи было предварительно обговорено) и т.д.

Итак, **невербальная коммуникация** – это совокупность неречевых коммуникативных средств – система жестов, знаков, символов, кодов, использующихся для передачи сообщения с большой степенью точности и играющих важнейшую роль в смысловом понимании людей друг друга². Телодвижения, жесты, позы, выражения лица, голосовые изменения и другие экспрессивные проявления кодируются и декодируются, выступают в роли знаков, имеющих ограниченный круг значений, и выполняют функцию сообщения.

² См.: Социальная психология. Словарь / Подред. М.Ю. Кондратьева. М., 2005. С. 56.

Одной из важнейших особенностей невербальной коммуникации является то, что она осуществляется с участием разных сенсорных систем: зрения, слуха, кожно-тактильного чувства (осязание), хеморецепции (вкус, обоняние) и терморепции (чувство тепла – холода). В соответствии с этим систему невербальных коммуникативных средств в литературе³ принято подразделять на отдельные подструктуры:

визуальная, или оптическая – сюда входит *физиогномика*, причем не только особенности лица и черепа, но и особенности телосложения, и способы преобразования внешности (одежда, косметика, очки, украшения, борода, усы, татуировки и т.п.); *кожные и физиологические реакции* (потоотделение, покраснение, расширение зрачка и др.); а также *кинесика* – движения (экспрессия) рук, ног, головы, туловища, мимика и пантомимика, выражение глаз, направление взгляда и визуальный контакт, походка, поза и т.п.;

акустическая, или звуковая – *просодика* (тембр, тембр, высота звука, громкость, ритм, интонация, речевые паузы и их локализация в тексте) и *экстралингвистика* (смех, плач, кашель, вздохи, скрежет зубов и т.п.);

тактильно-кинестезическая и терморепторная – *такесика* (статические и динамические прикосновения – рукопожатие, поцелуй, поглаживание, похлопывание и т.п.) и *физические воздействия* (подталкивание, удары, ведение за руку, контактный танец и др.), а также температурные ощущения и воздействия;

ольфакторная и хеморецепторная – *система запахов* (приятные и неприятные запахи окружающей среды, естественные и искусственные запахи тела), а также особые запахи, вызываемые специфическими для мужчин и женщин веществами – *феромонами*, которые влияют на подсознание человека;

проксемическая или дистантная – пространственная и временная организация общения (расстояние до

³ См., например: *Лабунская В.А.* Невербальное поведение. Ростов, 1986; *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1988; *Крысько В.Г.* Социальная психология: словарь-справочник. М., 2001.

собеседника, угол поворота к нему, персональное пространство и т.д.).

Таким образом, полисенсорная природа невербальной коммуникации обеспечивает возможность восприятия человеком практически всех биологически и социально значимых видов информации внешнего мира. При этом важно, что в процессе непосредственного общения происходит: а) взаимодействие всех видов невербальной информации, передаваемой по каналам разной сенсорной модальности, и б) ее взаимодействие с собственно речевой вербальной информацией. Этим обеспечивается высокая надежность восприятия и взаимопонимания людей⁴. Роль невербальных знаков и сигналов в жизни человека огромна. И хотя мнения специалистов в оценке точных цифр расходятся, но можно с уверенностью сказать, что до 70-80% информации в процессе социального взаимодействия человек получает именно по невербальным коммуникативным каналам.

Это происходит во многом еще и потому, что экспрессивно-мимические, выразительные средства общения первыми возникли в филогенезе (историческом формировании человечества и эволюции форм сознания)⁵. Первыми возникают они и в онтогенезе – процессе развития индивидуального организма (как известно, онтогенез повторяет филогенез). Эти средства общения (улыбка, смех, экспрессивные вокализации, мимические движения и т.п.) служат индикаторами отношения одного человека к другому. Они возникают в конце 1-го – начале 2-го месяца жизни ребенка, но сохраняют свое значение на протяжении всей жизни человека, поскольку выражают содержание общения (внимание, доброжелательность, интерес), не передаваемое с такой полнотой никакими другими средствами, и составляют обязательный компонент любого уровня развития общения.

⁴ Морозов В.П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация. М., 1998. С. 20.

⁵ См.: Социальная психология. Словарь/Под ред. М.Ю. Кондратьева. М., 2005. С. 87.

Позднее возникают предметно-действенные средства общения. Это уже не выразительные, а изобразительные средства. К ним относятся локомации (приближения, позы, повороты и пр.), указательные жесты, протягивание, передача предметов, прикосновения и т.д. Изобразительные средства выражают готовность человека к общению и в своеобразной форме показывают, к какому именно взаимодействию он приглашает. Здесь же впервые и появляется стремление ребенка к изображению (сначала пантомимике, потом рисованию, лепке и др.) предметов и людей. И это пока еще не изобразительное творчество в чистом виде (хотя его зачатки здесь и закладываются), главным образом это именно средства общения, но уже на новом уровне осмысления, поскольку они отличаются более высокой степенью произвольности.

Качественное изменение в развитии человека происходит при овладении речью, общение приобретает относительную автономность от конкретной, чувственно воспринимаемой ситуации взаимодействия, т.е. оно становится внеситуативным. Однако при этом более ранние по своему происхождению первые два средства общения не остаются забытыми, отброшенными как менее эффективные и не играют всего лишь дополнительную к словам роль. С помощью речи они получают свое дальнейшее развитие, становятся более осознаваемыми, наполняются конкретным смыслом и участвуют в общении людей наравне с вербальными средствами. При этом они в свою очередь оказывают влияние и на речь, обогащая ее различными метафорами. «Наш собственный язык до краев наполнен физиогномическими приметами и характеристиками [экспрессивно-мимическими, выразительно-изобразительными]. «Горькое» страдание, «сладкое» счастье и «кислый» отказ являются не свободными изобретениями поэтов, а совершенно отчетливыми видимыми выражениями человеческого лица, известными с детских лет»⁶.

Некоторые исследователи (например, Е.А.Тинякова, автор теории «нелингвистического позитивизма») считают, что

⁶ Бюлер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. М., 1993. С.319.

в современных условиях вообще происходит сокращение лингвистического пространства в коммуникации в целях регулирования перегруженного информационного потока. Сокращение применения языка компенсируется другими феноменами культуры. Этим, в частности, и объясняется активное включение, насыщение коммуникации невербальными средствами общения, и смыслового ущерба процесса коммуникации не происходит⁷.

Кроме того, нидерландский историк культуры Й.Хейзинга в трактате «В тени завтрашнего дня», написанном еще в 1935 году, отмечал своеобразный «духовного недуг» нового времени. По его мнению, люди стали слишком доверять словам, что привело к их девальвации: «Как никогда прежде, люди кажутся рабами слова, лозунга, чтобы поражать им друг друга наповал: вербицид в буквальном смысле слова»⁸. Развивая мысль культуролога, отметим такую феноменологию наших дней: смутно ощущая смысл какого-либо социального взаимодействия, в первую очередь на основе невербальных проявлений партнера, люди, тем не менее, не доверяют им и требуют обязательного вербального подтверждения. Но «поскольку значения слов в языке развиты чрезвычайно богато, то может оказаться ненадежным и даже опасным полагаться на язык, например, в тех случаях, когда ожидается простейший ответ типа «да» или «нет»⁹.

Таким образом, невербальная коммуникация и в зрелом возрасте человека играет важнейшую роль. Она представляет собой непосредственный канал передачи конкретных, вполне определенных смыслов. Понимание этого факта в процессе развития наук о человеке (прежде всего психологии и филологии) и вызвало огромный интерес к *body language* («языку тела») во второй половине XX в., хотя многие наблюдения и описания выразительных, не связанных со

⁷ См.: Тунякова Е.А. Язык как форма существования культуры и концепция нелингвистического позитивизма. М., 2003.

⁸ Хейзинга Й. *Homo ludens*. М., 1992. С.352.

⁹ Сетиф Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С.213.

словом проявлений были известны еще с древних времен и привлекали внимание ученых и исследователей с конца XIX в. Однако ранее экспрессия человека чаще всего понималась и толковалась исследователями исключительно как внешние проявления его внутреннего мира, считалась показателем тех или иных чувств и переживаний. Было распространено мнение, что людям, склонным прибегать к жестам, более свойственно выражать эмоции, чем что-либо сообщать. Таким образом, собственно коммуникативная функция невербального поведения пренебрегалась и, соответственно, оно в этом аспекте не исследовалось.

Кстати, и сегодня есть специалисты, ставящие под сомнение коммуникативное значение жеста. Так, знаменитый британский публицист С.Н.Паркинсон (автор всемирно известных одноименных «Законов», разоблачающих и обличающих многие житейские стереотипы и заблуждения обыденного мышления) в ответе на вопрос «Зачем мы жестикулируем?» предлагает понаблюдать за людьми, говорящими по телефону. «Вглядываясь в стекло кабины-автомата, мы часто, в сущности, присутствуем на спектакле-пантомиме. На лице говорящего выражается то озабоченность, то восторг. Он взмахивает рукой то в возбуждении, то безнадежно. Палец указывает то туда, то сюда и т.д. Все эти жесты, адресованные слепой трубке, – прямое доказательство, что они в данном случае являются самоцелью. Все внимание сосредоточено на самом себе, а усиленная жестикаляция свидетельствует лишь о полном отсутствии воображения»¹⁰.

По мнению Паркинсона, жесты являются всего лишь пережитком прошлого и «говорят» об отсутствии у некоторых людей способностей к воображению и умений речевого общения. Он считает, что молодых людей нужно отучать от жестикаляции как проявления умственной лени: «Мы гримасничаем и жестикулируем не потому, что язык не предоставляет нам достаточно возможностей, но потому, что нам

¹⁰ Паркинсон С.Н. От жеста к слову // Законы Паркинсона. М., 1989. С. 340-343.

не удалось освоить все, что он дает». Отдавая дань метким наблюдениям и сатирическим высказываниям этого автора, все-таки отметим, что есть и другие точки зрения на проблему «целесообразности» жестов. Например, специалисты из Чикагского университета доказали, что жестикуляция благотворно сказывается на деятельности мозга. Человек «размышляющий руками», больше запоминает и может одновременно думать о нескольких вещах¹¹.

Кроме того, эмоции, проявляющиеся в жестикуляции человека, являются не только психическим отражением его жизненных переживаний. Они также выступают в роли регуляторов человеческого общения, влияя на выбор партнеров общения и определяя его способы и средства. Одним из средств общения являются выразительные движения, имеющие сигнальный (знаковый) и социальный характер¹². А невозможность некоторых людей обходиться без них даже в отсутствие другого человека (современная наука рассматривает это как автокоммуникацию) только подчеркивает их обязательное наличие и в ситуации общения. При этом они несут не только информацию о реакциях партнеров по взаимодействию, но могут быть управляемы, сознательно демонстрируемыми и в этом случае наполняются особым смыслом для воспринимающих.

Как самостоятельное направление научных исследований невербальная коммуникация (*nonverbal communication*) оформилось в 1950-х годах. Само понятие тяготеет к семиотике, теории знаковых систем, а в лингвистическом аспекте имеет эквивалент, обозначаемый термином *паралингвистическая* (буквально: то, что «около» речи и связанное с ней) коммуникация. В последующих многочисленных исследованиях за рубежом (R.Birdwhistell, P.Ekman & W.Friesen, J.Fast, E.Hall, H.Calero. и др.) и в России (А.А.Бодалев, В.А.Лабунская, В.Н.Панферов, И.Н.Горелов, В.П.Морозов и др.) были достигнуты значительные успехи в классифика-

¹¹ Еженедельный журнал. 2002. № 7. 26 фев. С. 41.

¹² См.: Психология. Словарь/Под общ. Ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М., 1990. С. 462.

ции, интерпретации, декодировании и описании (вербализации) неречевых коммуникативных действий, хотя при этом стало ясно: процесс невербальной коммуникации не является прямым аналогом речи.

Были выделены и описаны единицы своеобразного «алфавита» телодвижений *кины*, или *кинемы* (по аналогии с фонемой в лингвистике), а также некоторые *кинеморффы* (не-что подобное фразам). Было построено немало своего рода «словарей» кино¹³. Однако удовлетворительный словарь телодвижений создать в итоге не удалось. В то время как смысл невербальных проявлений схватывается и понимается человеком мгновенно, описания многих сложных коммуникативных движений оказались слишком громоздкими, многословными и малоэффективными в практическом применении. Кроме того, выяснилось, что одни и те же телодвижения могут носить многозначную или даже ситуативную трактовку, другие сильно искажаются в зависимости от конкретной индивидуальности, третьи же вообще имеют незнакомую природу. И, несмотря на полученное богатство эмпирического материала, появление целого ряда оригинальных методических приемов и обилие фактов, подтверждающих коммуникативный характер невербальных проявлений, «выявилась очевидная невозможность воплотить одномоментные динамические смысловые системы личности в дискретных «бездушных» значениях разного рода словарей»¹⁴. Более успешными оказались попытки создать определенные каталоги жестов, в том числе различных национальных культур. И хотя полностью «расшифровать» отдельные «коды» невербальной коммуникации не удалось, в 1970-е годы был достигнут значительный прорыв как в понимании

¹³ См.: *Birdwhistell R. Kinesics and Context. Philadelphia, 1970; Ekman P., Friesen W. Facial Action Coding System // Palo-Alto Psychologists. N.Y., 1978. P. 15-120.*

¹⁴ *Фейгенберг Е.И., Асмолов А.Г. Культурно-историческая концепция и возможности использования невербальной коммуникации в восстановительном воспитании личности // Вопросы психологии, 1994. № 6. С.74-79.*

и объяснении этого феномена человеческого общения, так и в интерпретации «языка тела». Соответственно, появилось и большое количество разного рода практических пособий по обучению этому «языку», некоторые из них оказались достаточно удачными.

Последующее изучение процессов невербальной коммуникации определялось логикой развития науки, в частности когнитивной психологии, согласно которой «конструирование социального мира» – процесс социального познания – осуществляется на основе категоризации как вербальной, так и невербальной информации. Однако, наряду с когнитивными *категориями*, все больше внимания начинает уделяться другой форме организации знания. Речь идет об относительно устойчивых, обобщенных *структурах* прошлого опыта, позволяющих предвосхищать изменения вида объектов, порядок развития событий, их содержание и связь. Такими структурами является *когнитивные схемы* (иногда в научной литературе их называют *фреймами*), которые с определенной долей условности можно разделить на схемы сцен и схемы событий. Под такой схемой обычно подразумевают минимальное описание какого-либо явления или объекта, обладающего свойством: удаление из описания любой составляющей приводит к тому, что объект перестает правильно опознаваться (классифицироваться)¹⁵. Таким образом, если ранее для исследователей «языка тела» решающее значение имели исключительно только экспрессивные проявления партнеров по общению, то теперь понимание и исследование этого феномена значительно расширилось включением всего антуража: схемы сцены и особенного схемы самого события, что именно и обеспечивает успешность дешифровки невербальных сигналов.

В научной литературе описано уже немало таких схем (хотя понятно, что полный и окончательный их перечень не-

¹⁵ Подробнее см.: *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1988; *Величковский Б.М.* Современная когнитивная психология. М., 1982.

возможен), которые помогают человеку правильно интерпретировать поведение и понимать людей в различных социальных ситуациях. Приведем упрощенный пример: схема «поход в ресторан». Когда человек приходит в ресторан в очередной раз, прошлый опыт помогает ему легко ориентироваться в обстановке и почти безошибочно понимать невербальное поведение гардеробщика, охранника, других посетителей, бармена, официанта и т.д. Если же человек впервые находится в ресторане, то многое в экспрессивном поведении, например, официанта ему не понятно. Он будет пытаться применить к ситуации другие, уже известные ему схемы сцен и событий, например «посещение магазина», «посещение музея, выставки», «посещение офиса» или какого-либо официального учреждения и т.д. (и соотносить поведение официанта с известным ему поведением носителей других ролей). Но такие схемы будут не вполне адекватны ситуации, если исходить только из них, то можно легко ошибиться в роли официанта, либо принижая ее значение, либо преувеличивая. Естественно, что в итоге человек принорочится к ситуации и тем самым пополнит свой репертуар когнитивных схем.

В художественной и публицистической литературе есть немало описаний ситуаций поведения и адаптации «новичка» в тюремном заключении, которые хорошо иллюстрируют роль когнитивных схем в коммуникативной успешности. Человек, впервые попавший в эту среду, обычно плохо ориентируется в тюремной иерархии, не разбирается в статусных атрибутах и татуировках, порой слишком буквально воспринимает высказывания, мимику и жесты, испытывающих его опытных «зеков». Отсюда частые ошибки в интерпретации поведения и намерений сокамерников, хотя невербальной информации вполне достаточно – у новичка нет соответствующих ситуации когнитивных схем. Таким образом, введение в изучение процесса невербальной коммуникации понятия репертуара когнитивных схем сцен и событий имело важное значение. Именно они активизируются в первую очередь, когда человек, пытаясь выявить смысл фрагмента невербального поведения – «паралингвистического текста»,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru